

Научная статья

УДК 343.998

doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001

Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия
romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу состояния виктимности и ее внутреннего конфликтогенного потенциала. Рассматривается виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности. Анализируется развитие конфликта на разных его стадиях, и в этой связи осуществляется характеристика состояния конфликтогенности как тенденции пенитенциарных отношений. Утверждается, что партнерство и конфликт в условиях пенитенциарной жизнедеятельности в равной степени могут оцениваться с точки зрения как правовой нормативности, так и девиантности. Обосновывается мнение о том, что виктимность является реакцией субъекта на опасность, продуцируемую практически всеми видами пенитенциарных коммуникаций. *Цель:* провести комплексный межотраслевой анализ института виктимности в качестве фактора конфликтогенности общественных отношений в сфере пенитенциарной жизнедеятельности. *Методы:* методология исследования обусловлена спецификой пенитенциарной среды, характеризующейся высокой степенью конфликтогенности, обусловленной антагонизмами в целеполаганиях, ценностных приоритетах и поведенческих мотиваторах администраторов («тюремщиков») и спецконтингента («заключенных»), в совокупности образующих «пенитенциарное население». В статье использован комплекс общенаучных (диалектический, анализа и синтеза, системно-структурный) и специальных методов познания. *Результаты:* представляя собой специфическую социальную среду жизнедеятельности значительного числа российских граждан, пенитенциарная система осуществляет функционирование, опираясь на две основные регулятивно-охранительные системы: правовую и криминальную. Антагонизм данных систем обуславливает высокую степень конфликтогенности пенитенциарных отношений и, как следствие, влечет виктимизацию их участников. *Выводы:* на основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что все пенитенциарные отношения могут быть условно подразделены на партнерские и конфликтные. При этом и партнерство, и конфликт в равной степени могут оцениваться и как нормативные, и как девиантные. Виктимность, представляя собой потенциальную предрасположенность субъекта к состоянию жертвы, следует рассматривать в качестве элемента социально-правового положения участника конфликта. При этом субъективная виктимность непосредственным образом связана со сменой стадий конфликта, в рамках которых агрессивное воздействие может носить односторонний (односторонняя виктимность) либо двухсторонний характер.

Ключевые слова: конфликт; конфликтогенность; девиантность; опасность; безопасность; жертва; виктимность; виктимизация; пенитенциарная жизнедеятельность; пенитенциарная конфликтогенность.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 348–356. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001.

Original article

Victimty as a Penitentiary Conflictogenity Factor

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia

A. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia
romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of the state of victimity and its internal conflictogenic potential. Victimty is considered as a factor of penitentiary conflictogenity. Development of the conflict at its various stages is analyzed and, in this regard, the state of conflictogenity as a trend of penitentiary relations is characterized. It is argued that partnership and conflict in the conditions of the penitentiary life activity can equally be assessed from the point of view of both legal normativity and deviance. The opinion is substantiated that victimty is a reaction of the subject to the danger produced by almost all types of penitentiary communications. *Purpose:* to conduct a comprehensive intersectoral analysis of the institute of crime as a factor of conflict-prone public relations in the field of penitentiary life. *Methods:* the research methodology is determined by the specifics of the penitentiary environment, characterized by a high degree of conflictogenity due to the antagonisms in goal-setting, value priorities and behavioral motivations of administrators (“jailers”) and special agents (“prisoners”), collectively forming the “penitentiary population”. The article uses a complex of general scientific (dialectical, analysis and synthesis, system-structural) and special methods of cognition. *Results:* representing a specific social environment of a significant number of Russian citizens, the penitentiary system operates on the basis of two main regulatory and protective systems: legal and criminal. The antagonism of these systems causes a high degree of conflictogenity of penitentiary relations and, as a consequence, entails victimization of their participants. *Conclusion:* having conducted research, the author comes a conclusion that all penitentiary relations can be conditionally divided into partnership and conflict. At the same time, both partnership and conflict can equally be assessed as normative and deviant. Victimty, representing the subject’s potential predisposition to the state of a victim should be considered as an element of the socio-legal status of the conflict participant. At the same time, subjective victimty is directly related to the change of conflict stages, within which the aggressive impact can be unilateral (unilateral victimization) or bilateral in nature.

Key words: conflict; conflictogenity; deviance; danger; security; victim; victimty; victimization; penitentiary life; penitentiary conflictogenity.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Romashov R.A. Victimization as a penitentiary conflictogenity factor. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 348–356. doi 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001.

Общие положения

Виктимология – научное направление, изучающее психолого-поведенческие особенности поведения жертвы агрессии.

Виктимность – потенциальная возможность и психологическая предрасположенность человека выступать в качестве жертвы агрессии.

Конфликт – форма открытого противоборства двух и более сторон (субъектов), в рамках которого интересы одной стороны (субъекта) осуществляются за счет причинения осознанного целенаправленного ущерба интересам другой стороны (контрсубъекту).

Конфликтогенность – динамическая оценочная характеристика состояния общественных отношений, связанная с их потенциальной предрасположенностью к возникновению и эскалации конфликтов.

Пенитенциарная жизнедеятельность – система социальных регуляторов и форма поведенческих отношений, осуществляемых в социо-пространственной сфере юрисдикции ФСИН России.

Пенитенциарная конфликтогенность – фактор, характеризующий отношения в сфере пенитенциарной жизнедеятельности, представляющей локальную социально-культурную сферу, в основу формирования

и функционирования которой положены две регулятивно-охранительные системы: административная, базирующаяся на материальном и процессуальном позитивном праве (УИК РФ, УК РФ, УПК РФ), и традиционная, опирающаяся на систему понятий и ценностей криминального мира. Важным фактором пенитенциарной конфликтогенности является объективный антагонизм субъективных интересов двух социальных групп, в совокупности образующих «пенитенциарное население»: администрации («тюремщиков») и спецконтингента («заключенных»).

Конфликтогенность общественных отношений в сфере пенитенциарной жизнедеятельности: норма или девиация?

Понимание конфликта и конфликтогенности как объектов исследовательской деятельности в рамках отечественной научной школы имеет относительно недавнюю историю. В условиях советской государственно-правовой системы конфликт воспринимался как явление, присущее исключительно «миру капитала», в рамках которого «человек человеку – волк». В противоположность подобному антагонизму социалистический мир представлял собой «интернационал трудящихся», «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», в котором конфликтам попросту не было места [1].

Широкомасштабные кризисные трансформации социалистической экономики и коммунистической идеологии, повлекшие распад СССР и завершение социалистического периода отечественной государственно-правовой истории, обусловили возникновение многочисленных конфликтов в самых разных сферах общественной жизнедеятельности, к которым оказались не готовы ни отдельные советские граждане, ни государство, одновременно переставшее быть советским социалистическим, однако не ставшее развитым капиталистическим, как это представлялось «отцам – основателям новой России». Вынужденность, что называется, с колес решать многочисленные проблемы, касающиеся как теории понимания конфликта, так и практики конфликтного мониторинга, а также необходимость формирования механизмов противодействия конфликтным противоборствам обусловили всплеск научного интереса к конфликту как социально-культурному и политико-правовому явлению, мгновенно ставшему актуальным и значимым для целого ряда социальных наук, в том числе и для юриспруденции.

Одним из важнейших вопросов, влияющих на понимание конфликта, является вопрос о его месте в системе социального нормативного регулирования. Как оценивать конфликт с точки зрения соответствия представлениям о нормативности и девиантности общественных отношений? Следует относить конфликт исключительно к деструктивным поведенческим форматам или же необходимо наряду с негативом выделять позитивные факторы, позволяющие говорить о конфликте как инструменте разрешения социальных противоречий и катализаторе общественного прогресса?

Полагаем, что в современных условиях понимание конфликта и оценка его воздействия на общественные отношения должны осуществляться в рамках комплексного межотраслевого подхода, исключающего единообразие научных представлений и практических подходов.

Являясь одной из форм межсубъектной коммуникации, конфликт противопоставляется партнерству. Однако подобное противопоставление не выступает основанием отождествления партнерства с нормой как моделью позитивного поведения, а конфликта с девиацией – моделью негативного поведения. Подобно таким противопоставляемым и вместе с тем взаимно обусловленным категориям, как правоотношение и правонарушение, конфликт и партнерство – это две стороны одной медали социальной коммуникации. Следовательно, и конфликтные, и партнерские отношения, по сути, нормативны (предусмотрены и квалифицированы социальными нормами, обеспечены социальными гарантиями и предполагают определенные последствия в отношении участвующих в них субъектов). Соответственно, конфликтогенность выступает в качестве оценочной характеристики, применимой при анализе как фактических конфликтов, так и коммуникаций партнерского типа, которые при определенных ситуациях способны преобразоваться в конфликтные формы.

Рассмотрение конфликтности и партнерства в контексте соотношения оценочных категорий «нормативность – девиантность» позволяет уйти от феноменологической дихотомии. И партнерство, и конфликт в равной степени могут оцениваться с точки зрения нормативности и девиантности. К примеру, в юридическом понимании девиантными партнерскими отношениями являются такие криминальные коммуникативные формы, как коррупция, незаконный сбыт наркотиков, заказные убийства, «отмывание» финансовых средств, полученных преступным путем, и т. п. К девиантным конфликтам относятся военные действия со стороны стран-агрессоров, противопоставляемые нормативной дипломатии, террористические акты, преступления против жизни и здоровья личности и др. Вместе с тем в равной степени партнерство и конфликт могут рассматриваться в качестве нормативных, а значит, правомерных форм социального поведения. Отношения в области семьи, труда, государственной и муниципальной службы представляют собой формы публичного и частного партнерства, поддерживаемые и защищаемые государством. В качестве примеров нормативных конфликтов можно привести необходимую оборону, задержание преступника, применение мер физического воздействия по отношению к нарушителям порядка в учреждениях ФСИН России и др.

Пенитенциарная система, представленная комплексом материальных институтов (актами международного и национального права, государственными органами и должностными лицами, общественными организациями, спецконтингентом учреждений ФСИН России и др.) и социальных отношений (уголовно-процессуальных, уголовно-ис-

полнительных, гражданско-правовых, трудовых, криминальных и др.), в широком смысле является специфической локальной средой жизнедеятельности значительного числа людей. По состоянию на 1 января 2023 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 433 006 чел. [2], в том числе 28,3 тыс. женщин (по данным на 1 марта 2022 г.). При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых на 1 мая 2022 г. проживало 332 ребенка. Штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы, финансируемого из средств федерального бюджета, составляет 295 625 чел. [3]. Таким образом, общая численность «пенитенциарных жителей» насчитывает около 800 тыс. чел. При этом нельзя забывать, что опосредованное участие в пенитенциарной жизнедеятельности принимают члены семей осужденных, служащие правоохранительных государственных органов (МВД, ФСБ, прокуратуры, следственных и судебных органов и др.), адвокаты, представители общественных организаций, религиозных конфессий и др.

В процессе пенитенциарной жизнедеятельности непрерывно возникают общественные отношения (пенитенциарные коммуникации) – как в форме партнерства, так и конфликтного характера. При этом партнерство и конфликты возможны не только внутри локальных социальных групп, на которые делится пенитенциарное сообщество (персонал и спецконтингент уголовно-исполнительной системы), но и между ними. Кроме того, в ряде случаев данные формы могут выходить за рамки границ учреждений ФСИН России и приобретать региональный и межрегиональный масштабы.

С учетом объективной дихотомии интересов персонала и спецконтингента, отношения между которыми основываются на неизбежном антагонизме охраняющих и охраняемых либо, что более образно, тюремщиков и заключенных, конфликтность следует рассматривать в качестве перманентной составляющей пенитенциарных отношений, независимо от формы их выражения на данном временном отрезке [4].

Виктимологические особенности субъектов пенитенциарных коммуникаций

В течение длительного времени учеными в различных отраслях познания накапливалась информация, позволяющая говорить о виктимологии не только как о самостоятельном предметном направлении в области научных исследований, но и как о комплексной межотраслевой науке. В настоящее время осуществляются активные теоретико-практические разработки общих и частных проблем криминальной, социальной, пенитенциарной и др. виктимологии [5, с. 7]. Получаемые учеными результаты используются для виктимологической профилактики и защиты, а также учитываются в процессе разработки рекомендаций по оптимизации государственных и негосударственных механизмов регулятивно-охранительного воздействия.

Виктимология как наука о жертве в ее гносеологическом развитии явилась продуктом советского

общества, в котором, как уже ранее отмечалось, конфликтность общественных отношений отрицалась в силу главенствующей государственной идеологии [6].

Господствующая в советской социально-гуманитарной науке теория бесконфликтности, основанная на марксистских идеях коммунистического интернационала трудящихся всей Земли, сформировала вполне определенное и предсказуемое отношение к криминологии как науке, изучающей преступность в качестве архаического, обреченного на отмирание социального явления, которому, как и религии, не будет места в прогрессивном коммунистическом сообществе грядущего будущего. Естественно, при таком отношении виктимология как учение о жертве криминального конфликта воспринималась с достаточно высокой степенью предубежденности. Вместе с тем отрицание конфликтности и преступности как объективных социальных явлений не способно было на практике исключить эти категории из процессов жизнедеятельности Советского государства и общества. В непростых условиях официальной критики и реальной востребованности отечественная виктимология сформировалась сначала как подотрасль криминологии [7], а впоследствии выделилась в качестве самостоятельного направления комплексного научного познания. Завуалировать объективный характер преступности и значение жертвы в развитии преступной ситуации невозможно. В этих условиях возникла настоятельная потребность в разработке отечественной виктимологии. В период ее развития в явной форме доминировало криминальное направление виктимологических исследований [8].

На протяжении почти сорока лет ученые-виктимологи считали тождественными понятия «жертва преступления» и «потерпевший» [9, с. 6, 22, 38]. В настоящее время методологический подход существенным образом расширился и включает представления о жертве любого происхождения – как криминального, так и не связанного с совершением преступных деяний [10]. В последние годы появилось множество научных работ, описывающих жертву конфликта независимо от того, имеется в деле криминальный след либо же причиненный вред последовал из другого, не имеющего криминальной окраски источника. Богатый исходный материал исследователи получают в области социологии, психологии, психиатрии, педагогики и др.

Таким образом, в современных условиях отсутствует единый взгляд на предмет виктимологии, и это не является случайным стечением обстоятельств. Развитие науки приводит к возникновению новых отраслей знания, в том числе связанных с представлением о человеке как потенциальной либо реальной жертве природных и социальных катаклизмов.

С развитием общества глобальные процессы, происходящие в мире, увеличивают конфликтность общественных отношений, связанную с потенциальной предрасположенностью к возникновению и эскалации конфликтов. При этом, как справедливо

отмечает Г. И. Козырев, «ни в зарубежной, ни в отечественной социологии и конфликтологии проблематика жертвы как одного из элементов в структуре конфликтного взаимодействия пока еще не нашла адекватного отражения» [10, с. 11]. По мнению ученого, «жертва в структуре конфликтной коммуникации понимается как лицо, *невинно* (курсив наш – Р. Р.) пострадавшее в ходе конфликта. При этом сама жертва в ряде случаев выступает в качестве его причины» [10, с. 13]. Соглашаясь в целом с высказанной точкой зрения, вместе с тем следует отметить, что категория «невинность» по отношению к пониманию жертвы не вполне корректна. Во-первых, сам термин «невинность» является архаическим и ранее использовался преимущественно в контексте гендерной характеристики («девичья невинность» = «девичья непорочность»). В современных условиях вина, а следовательно, и невиновность рассматриваются в качестве элементов субъективной стороны преступления (административного проступка), используемых в процессе реализации уголовно-либо административно-правовой ответственности и подтверждаемых либо опровергаемых на этапе судебного (административного) правоприменения. В таком понимании выделение жертвы в качестве потерпевшей стороны автоматически означает отнесение ее к не виновным в совершении преступления лицам. Полагаем, что рассмотрение любого социального конфликта (независимо от его юридической оценки) как открытой формы противоборства двух и более субъектов, в рамках которого деятельность всех участников направлена на причинение вреда интересам противоборствующих сторон, исключает дихотомию в понятии «виновность – невиновность», «агрессор – жертва агрессии». Конфликт в плане жертвенности его участников является формой двух- и более сторонней социальной агрессии, в рамках которой качественными свойствами жертвы обладают все участвующие лица, независимо от того, кто из них выступал инициатором конфликтной коммуникации, а кто являлся ее адресатом. Во-вторых, ошибочным является отождествление понятий конфликта и преступления (правонарушения). Как уже ранее отмечалось, конфликты могут быть представлены как нормативными (правомерными), так и противоправными (девиантными) коммуникативными формами. Например, в конфликте, связанном с причинением вреда нападающему в рамках необходимой обороны, субъект, проявивший агрессию и впоследствии ставший адресатом вредоносного противодействия, не является невиновной стороной, что не исключает рассмотрения его в качестве жертвы, а значит, и предмета виктимологического анализа.

Применительно к конфликтам в пенитенциарной сфере поведенческая виктимность приобретает особую значимость. В общественном сознании наблюдается достаточно интересная дихотомия психологических восприятий. До тех пор пока абстрактный преступник находится на свободе и совершает пре-

ступные деяния, обыватель идентифицируется как жертва, а преступник как агрессор. Подобное отношение обуславливает достаточно высокий уровень потенциальной агрессивности законопослушных граждан по отношению к потенциальным субъектам уголовно-правовой ответственности. Данные социологических опросов свидетельствуют о поддержке обществом государственных мер по ужесточению наказаний практически за все виды преступлений. Неизменно велико число ратующих за возврат в реальное правоприменение высшей меры наказания – смертной казни. Однако после того, как лицо, обвиняемое в совершении преступления, попадает в места социальной изоляции, общественная оценка его статуса кардинальным образом меняется. Находящийся за решеткой воспринимается как жертва тюремного произвола с вытекающей из этого критикой уголовно-исполнительной системы как жестокой и бесчеловечной. Таким образом, наблюдается логическое противоречие между виктимологической характеристикой лиц, участвующих в общественных отношениях на стадии подготовки и совершения преступных деяний, и субъектов уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений, связанных с определением виновности в совершении преступления, вида и меры уголовной ответственности, а также исполнением определенного судебным приговором наказания.

Участники конфликтных коммуникаций, возникающих в сфере пенитенциарной жизнедеятельности, могут как иметь отношение к одной из вышеназванных социальных групп (конфликт «начальник – подчиненный» среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, конфликт между «блатными» и «мужиками» среди осужденных и т. п.), так и представлять антагонистические пенитенциарные страты (конфликт между администрацией и спецконтингентом в форме массовых беспорядков). В каждом случае виктимную характеристику участников пенитенциарного конфликта следует осуществлять исходя из конкретных особенностей соответствующей конфликтной коммуникации [4].

Любой конфликт, независимо от особенностей субъектного состава и содержания, включает ряд взаимосвязанных этапов (стадий): латентности, перехода в открытую форму противоборства сторон, эскалации, условного равновесия, затухания, прекращения [11]. В процессе конфликта эти стадии могут приобретать повторяющийся характер, что влечет за собой изменение состояния виктимности сторон конфликта. Так, на стадии латентности продуцируемая конфликтом опасность носит односторонний характер (субъект-инициатор агрессии – субъект-адресат агрессивного воздействия). До тех пор пока субъект-адресат не предпринял ответных адекватных действий в отношении субъекта-агрессора, он считается жертвой агрессии, а конфликт рассматривается в качестве латентного [12]. Переход конфликта в открытую стадию противоборства с последующей эскалацией взаимной агрессии транс-

формирует опасность в двустороннюю, что, в свою очередь, предполагает виктимизацию (жертвенность) уже двух сторон.

Виктимологическая характеристика поведения субъектов конфликтной коммуникации актуализирует проблему понимания категории «опасность», в качестве составных элементов которой следует рассматривать следующую логическую цепочку: «вызов», «угроза», «риск», «вредоносное последствие» [13]. По мнению О. Н. Громовой, любое воспринимаемое в качестве опасного деяние может и должно оцениваться в рамках именно этой логической цепочки. В таком понимании опасность (потенциальная либо реальная) характеризует любое социальное взаимодействие независимо от его конечной юридической оценки и фактических результатов [14]. В частности, семейный союз, основанный на любви и верности супругов, таит в себе многочисленные опасности и обусловленные ими угрозы и риски (супружеская неверность, психологические расстройства, насилие, материально-финансовые противоречия и т. п.), способные при определенных стечениях обстоятельств привести к конфликтным ситуациям, жертвами которых могут стать либо один, либо оба супруга, а также их дети, родственники, соседи и др. Применительно к пенитенциарным отношениям опасность выступает в качестве объективной характеристики, что обусловлено антагонизмом интересов тюремщиков и заключенных с их взаимным враждебным восприятием. Формальное (статусное) неравенство субъектов пенитенциарных коммуникаций предопределяет наличие двух центров силы (администрации учреждения ФСИН России и так называемых положенцев – смотрящих), взаимодействие которых осуществляется в форме либо латентных, либо открытых конфликтов. При этом в качестве жертв этих конфликтов могут выступать как их непосредственные участники (сотрудники учреждений, осужденные), так и лица, имеющие к пенитенциарной системе опосредованное отношение.

Представление об опасности как объективном факторе, включенном в систему практически любого общественного отношения, актуализирует понимание безопасности как потенциальной готовности и адекватной реакции субъекта на возникающую угрозу. Таким образом, безопасность (в том числе в сфере пенитенциарных отношений) включает в себя способность конкретного лица диагностировать конкретную опасность в качестве реальной и субъективно значимой, а также набор компетенций, позволяющих минимизировать вредоносные последствия пребывания в опасном состоянии.

Понимание виктимности как психологической и поведенческой реакции субъекта на потенциальную и реальную опасность означает, что виктимное состояние жертвенности может в одинаковой степени мотивировать субъекта к попытке избежать конфликтного противоборства (синдром самоустранения) и тем

самым обеспечить собственную безопасность либо, напротив, обусловить инициирование конфликта, независимо от осознания опасности такого состояния (синдром мотылька, синдром обреченности).

В первом случае (синдром самоустранения) виктимность рассматривается как профилактическое состояние субъективного сознания и поведения, в рамках которого опасность является формируемой на психологическом уровне моделью нежелательных вредоносных последствий возможного конфликта, целью конструирования которой является предотвращение конфликтного взаимодействия путем выхода из конфликтогенной ситуации. Так, человек, впервые попавший в сферу пенитенциарной жизнедеятельности и воспринимающий ее как общую опасность, стремится максимально ограничить общение как с представителями блатного мира, так и с администрацией учреждения, считая их равнозначными угрозами. Первые способны причинить вред за нарушение понятий, вторые – за нарушение административных регламентов. И те, и другие для «новосела» в одинаковой степени опасны, а значит, и держаться от них желательно подальше. В случае же когда лицо, осознавая опасность возможного конфликта, тем не менее стремится к вступлению в него, действуют иные виктимные стереотипы. Синдром мотылька предполагает неосознанную инициацию конфликта путем подталкивания потенциального агрессора к вредоносным действиям. Вызывающе одетая нетрезвая девушка, несдержанный в общении «первоход» в тюремной камере, демонстрирующий в общественном месте наполненный купюрами кошелек турист – все эти и другие достаточно распространенные жизненные ситуации нередко выступают в качестве спускового крючка, делающего потенциальный конфликт реальным. Синдром обреченности означает стремление к вступлению в конфликт при осознании неизбежности собственного поражения в нем. При этом инициация конфликта и его эскалация для обреченного имеют основной целью причинение максимального ущерба, а значит, и максимальное увеличение виктимности в отношении контрсубъекта. В качестве примера синдрома обреченности в сфере пенитенциарных отношений может рассматриваться ситуация, связанная с массовыми беспорядками в учреждении уголовно-исполнительной системы, когда протестные мероприятия изначально обречены на поражение, однако иницируются вследствие нежелания осужденных в дальнейшем терпеть существующий порядок.

Представляя собой динамическую конструкцию, конфликт складывается из нескольких стадий, каждая из которых характеризуется особой виктимностью вовлеченных в конфликтную коммуникацию субъектов.

Динамика развития конфликта и связанного с ним состояния субъективной виктимности представлена в таблице.

Динамика развития конфликта и состояния субъективной виктимности

Латентность конфликта		Переход в открытую форму противоборства сторон		Эскалация конфликта
1 стадия	2 стадия	1 стадия	2 стадия	
Осознание субъектом-агрессором дефицита ресурса и формирование психологического образа врага в отношении субъекта-адресата агрессии	Совершение субъектом-агрессором действий, направленных на причинение вреда интересам субъекта-адресата агрессии	Субъект-адресат агрессии осознает, что действия агрессора направлены на причинение вреда его субъективным интересам	Субъект-адресат агрессии осуществляет ответную агрессию в отношении субъекта, инициировавшего конфликт	Усиление взаимного агрессивного воздействия, направленного на причинение максимального вреда с вовлечением всех противоборствующих сторон
Предпосылка конфликта	Предпосылка конфликта	Предпосылка конфликта	Условие перехода к открытой форме конфликта	Условие перехода к новому циклу конфликтного противоборства
ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ		РЕАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ		

Выделенные стадии конфликта в совокупности образуют завершённый цикл конфликтной коммуникации, результатом которой является либо завершение конфликта, либо выход его на следующую стадию.

Условиями завершения конфликта являются:

- выход из конфликта одной из сторон;
- уничтожение дефицита ресурса;
- затухание конфликта в результате окончания ресурсов конфликтующих сторон;
- пресечение конфликта путем государственного правоприменения.

В свою очередь переход к следующему конфликтному циклу является следствием возобновления агрессивного противоборства сторон при сохранении обусловивших возникновение конфликта предпосылок (дефицита ресурса и психологического образа врага).

Следует отметить, что виктимность субъектов непосредственным образом зависит от стадии конфликтной коммуникации. Так, в рамках латентного конфликта, когда агрессия осуществляется в одностороннем порядке, виктимное поведение характерно только для субъекта-адресата агрессивного воздействия. Переход конфликта к открытой форме межсубъектного противоборства с последующей эскалацией придает агрессии двухсторонний характер, что, в свою очередь, обуславливает поведенческую виктимизацию всех субъектов конфликтной коммуникации.

Применительно к пенитенциарным конфликтам виктимность их участников необходимо рассматривать в качестве значимого фактора влияния, который следует учитывать как в процессе профилактики конфликтов, так и при их разрешении. Как уже ранее отмечалось, социальный состав пенитенциарных учреждений представлен двумя социальными группами (администрацией и спецконтингентом), отношения между которыми характеризуются высокой степенью конфликтности, а значит, и виктимности.

Осуществляемая в современных условиях виктимологическая деятельность направлена на предупреждение потенциальных и разрешение ре-

альных конфликтов в пенитенциарной сфере [15]. Пенитенциарная виктимология как направление прикладного воздействия должна включать разные процессы: исследовательские, образовательные, кадровые и др.

В качестве целевых установок, определяющих функциональность современной пенитенциарной виктимологии, следует выделять:

- проведение фундаментальных исследований, направленных на получение новых знаний о субъективной виктимности в условиях конфликтных ситуаций, их прогнозировании и предупреждении;
- правовое обеспечение защиты жертв латентных и открытых конфликтов;
- распространение научных и правовых знаний о предмете пенитенциарной виктимологии и ее возможностях в условиях потенциальных и реальных конфликтов;
- формирование прикладных компетенций в области практического применения виктимологических знаний, умений, навыков [16].

Заключение

Результаты проведенного исследования отражены в следующих выводах.

Пенитенциарная система представляет собой локальную социально-пространственную сферу поведенческой активности (пенитенциарной жизнедеятельности), в качестве субъектов которой выступают две группы с непосредственными интересами (администрация и спецконтингент) учреждений ФСИН России, а также лица, опосредованно связанные с процессами пенитенциарной жизнедеятельности (представители правоохранительных и судебных органов, адвокаты, представители международных, государственных и общественных правозащитных организаций и др.).

Представляя собой форму межсубъектных коммуникаций, пенитенциарные отношения могут быть дифференцированы на партнерские и конфликтные. При этом и партнерство, и конфликт в равной степени способны оцениваться и как нормативные, и как девиантные. Виктимность, представляя собой потенци-

альную предрасположенность субъекта к состоянию жертвы, следует рассматривать в качестве элемента социально-правового положения участника конфликта. При этом субъективная виктимность непосредственным образом связана со стадией конфликта, в рамках которого агрессивное воздействие может носить односторонний (односторонняя виктимность) либо двухсторонний характер.

Анализ поведенческой виктимности участников пенитенциарных конфликтов позволяет говорить о

детерминирующей связи между продуцируемой конфликтом опасностью и виктимным поведением. В зависимости от обстоятельств субъективная виктимность может быть направлена на попытку избежать конфликтного противоборства (синдром самоустранения) и тем самым обеспечить собственную безопасность либо, напротив, обусловить инициирование конфликта, независимо от осознания опасности такого состояния (синдром мотылька, синдром обреченности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батуренко С. А. Теории социального порядка и социального конфликта в истории социологической мысли // Социология. 2018. № 2. С. 9–14.
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 27.07.2023).
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://web.archive.org/web/20220609094447/> (дата обращения: 27.07.2023).
4. Детков А. П. Теоретические обоснования причинности возникновения пенитенциарных конфликтов // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 152–163.
5. Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С. Я. Лебедева. М., 2008. 191 с.
6. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. 304 с.
7. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. 332 с.
8. Горшенков А. Г., Горшенков Г. Н. Криминальная виктимология как междисциплинарная превентивная теория // Виктимология. 2022. Т. 9, № 2. С. 137–147.
9. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1977. 237 с.
10. Козырев Г. И. Социальное конструирование образа жертвы в социально политических отношениях и в конфликтах // Вестник РГГУ. 2009. № 2. С. 11–27. URL: https://www.rshu.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_09.pdf (дата обращения: 27.07.2023).
11. Емельянов Н. С. Пенитенциарный конфликтогенез: проблемные вопросы детерминации пенитенциарных конфликтов // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 18–22.
12. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
13. Кравчук А. А. Категории «вызов», «опасность», «угроза» в теории национальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 11. С. 65–74.
14. Громова О. Н. Маргинальная виктимность как фактор системной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 2 (59). С. 56–64.
15. Пилюкова С. С. Профилактика конфликтов в пенитенциарном социуме // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4 (35). С. 131–136.
16. Сысоева В. В. Профилактика виктимности личности // Педагогическое образование и наука. 2010. № 5. С. 101–103.

REFERENCES

1. Baturenko S.A. Theories of social order and social conflict in the history of sociological thought. *Sotsiologiya = Sociology*, 2018, no. 2, pp. 9–14. (In Russ.).
2. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed July 27, 2023).
3. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://web.archive.org/web/20220609094447/> (accessed July 27, 2023).
4. Detkov A.P. Theoretical substantiations of the causality of the occurrence of penitentiary conflicts. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2012, no. 1, pp. 152–163. (In Russ.).
5. Varchuk T.V., Vishnevetskiy K.V. *Viktimologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya"* [Victimology: textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence"]. Ed. by Lebedev S.Ya. Moscow, 2008. 191 p.
6. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal victimology]. Saint Petersburg, 2002. 304 p.
7. Rivman D.V., Ustinov V.S. *Viktimologiya* [Victimology]. Saint Petersburg, 2000. 332 p.
8. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.N. Criminal victimology as an interdisciplinary preventive theory. *Viktimologiya = Victimology*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 137–147. (In Russ.)
9. Frank L. V. *Viktimologiya i viktimnost'* [Victimology and victimity] Dushanbe, 1977. 237 p.
10. Kozыrev G.I. Social constructing of victims image in the social-political conflicts. *Vestnik RGGU = Bulletin of the Bulletin of the Russian State Humanitarian University*, 2009, no. 2, pp. 11–27. Available at: https://www.rshu.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_09.pdf (In Russ.). (Accessed July 27, 2023).

11. Emel'yanov N.S. Penitential conflictogenesis: problematic issues of determination of penitentiary conflicts. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service*, 2019, no. 2 (51), pp. 18–22.
12. Zimmel' G. Man as an enemy. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 1994, no. 2, pp. 114–119. (In Russ.)
13. Kravchuk A.A. Categories “challenge”, “danger”, “threat” in the national security theory. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = The Transbaikal State University Journal*, 2016, vol. 22, no. 11, pp. 65–74. (In Russ.)
14. Gromova O.N. Marginal victimization as a factor of system security. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situatsii = Right. Safety. Emergency Situations*, 2023, no. 2 (59), pp. 56–64. (In Russ.)
15. Piyukova S.S. Prevention of conflicts at the penal society. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 4 (35), pp. 131–136. (In Russ.)
16. Sysoeva V.V. Prevention of the victim's syndrome of cultural identity. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical Education and Science*, 2010, no. 5, pp. 101–103. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Head of the Department of the Theory and History of State and Law of the A. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

Статья поступила 13.08.2023